

собора музейщики подобрали 26 икон и церковную утварь. Долгое время «березовская коллекция» пролежала в музейных запасниках, только в 1990-х годах начались реставрационные работы. Среди других икон была отреставрирована икона с изображением архангела Михаила. Её размеры, сюжет и остатки оклада не оставляют сомнений в том, что сегодня в собрании Омского музея изобразительных искусств хранится березовская «ермакова икона» архангела Михаила [10]. Правда серьезных работ по датировке и атрибуции этого памятника иконописи пока не проводилось. В соответствии с достаточно спорной аналогией в середине 1980-х гг. Н. Г. Велижанина отнесла даже не саму березовскую икону, а ее сюжетную линию к поволжской традиции [4: 162]. Попыток же датировать икону на основе искусствоведческого анализа до сего дня не публиковалось.

Литература

1. Абрамов Н. А. Старинные иконы в Тобольской епархии. Известия археологического общества. 1859. Т. 1. С. 323-358.
2. Абрамов Н. А. О церквах города Березова от основания его до настоящего времени // ТГВ. 1859. № 9. С. 32-37.
3. Абрамов Н. А. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXXI. Отд. V. 1854. № 2. С. 15-38.
4. Велижанина Н.Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 153-166.
5. Пирожников Г. А. Обь — Иртышский Север. Этнографический очерк//Такой далекий и такой близкий Обь — Иртышский Север. Историко-краеведческий сборник. Ханты-Мансийск, Сургут, 2002. С. 160.
6. Полякова Е.А. Фондоформирующая составляющая в деятельности Тобольского церковного древлехранилища (1902–1917 гг.)//Грамота. 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-162.
7. Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Туров. Тюмень, 2004.
8. Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон Тобольской епархии. Спб., 1864.
9. Сулоцкий А. И. Описание краткое всех церквей, существующих в Тобольске и пространное Софийского собора. М., 1852.
10. <http://www.nashgorod.ru/otdih/news/news37090.html> (режим доступа свободный, дата обращения 12.05.2016).

О. В. Хавралева, г. Тюмень

«ДЕСНИЦА И ШУЙЦА РУССКОГО ОБЩЕСТВА»: СПОР П. Я. ЧААДАЕВА И Н. И. НАДЕЖДИНА О РОССИИ

Ученый М.К. Лемке в книге «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.» справедливо заметил: «Говоря о Чаадаеве, нельзя не говорить о Надеждине, и наоборот...», и что «Чаадаев и Надеждин — десница и шуйца русского общества времен железных Николая» [2: 361].

В статье мы обращаем внимание на спор философа П. Я. Чаадаева (1794–1856 гг.) с журналистом Н. И. Надеждиным (1804–1856 гг.) по поводу первого «Философического письма» (1829 г., опубликовано 1836 г.). Мы хотим показать неоднозначное отношение не только к содержанию письма, но и к самому предмету спора — истории России.

Встреча этих двух людей произошла в английском клубе. Н. И. Надеждин вспоминает: «В 1832 г. мне доставили в переводе отрывки из неизвестного большого сочинения, с замечанием, что это со-

чинение писано русским, но по-французски. В этих отрывках говорено было о древней архитектуре и о бессмертии души. Я напечатал их в моем журнале в том же 1832 г., но в которой именно книжке, не припомню. После того вскоре, г. Чаадаев, встретясь со мною также в клубе, объявил мне, что он сочинитель напечатанных отрывков, и предложил мне свое знакомство, намекая, что он желал бы и впредь участвовать в моем журнале помещением своих сочинений» [2: 397].

В 1836 г. их пути снова пересеклись: Н. И. Надеждин опубликовал в №15 журнала «Телескоп» «Философические письма к г-же*. Письмо 1»: «Вместо подписи стояло "Некрополис. 1829 г., декабря 17"» [2: 402]. «Некрополисом» в те времена интеллигенция называла Москву [2: 402].

Вероятно, именно Н. И. Надеждиным написано предисловие: «Письма эти писаны одним из наших соотечественников. Ряд их составляет целое, проникнутое одним духом, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядов, строгая последовательность выводов и энергическая искренность выражения дают им особенное право на внимание мыслящих читателей. В подлиннике они написаны на французском языке. Предлагаемый перевод не имеет всех достоинств оригинала относительно наружной отделки. Мы с удовольствием извещаем читателей, что имеем дозволение украсить наш журнал и другими из этого ряда писем» [2: 403]. Из этих слов ясно, что Н. И. Надеждину импонирует «Философическое письмо».

Отметим важный факт — идеи и мысли П.Я. Чаадаева, изложенные в письме, были известны образованной публике еще задолго до публикации: «Написанное еще в 1829 году, оно с тех пор ходило в рукописях и теперь, напечатанное, сразу же было приписано своему истинному творцу — Чаадаеву. Последний ни на минуту не отрицал этого» [2: 407].

М. К. Лемке предполагает, что П.Я. Чаадаев считал себя носителем некой истины: «В письме к Пушкину (1831 г.) он писал, что главная задача его жизни — вполне уяснить и раскрыть эту истину в глубине своей души и завещать ее потомству, но, однако, он не прочь выйти из своей безвестности, потому что "это могло бы дать ход идее, которую я считаю себя призванным передать миру". С этой целью он постоянно пропагандировал в знакомом кругу и, очень естественно, что в конце концов ему захотелось возможности более широкого опубликования своей мысли» [2: 402].

Автор «Первого философического письма» критически отзываясь о русском народе, заявляя, что «в домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам» [4: 324].

По убеждению П. Я. Чаадаева, все, что Россия имела в период своего становления, это: «сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности» [4: 324].

Философ изложил свое негативное отношение к русской действительности: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия» [4: 323].

Из рассуждений П. Я. Чаадаева исходит, что у России нет истории: «Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [4: 325].

Философ уверен, что если бы Россия не занимала такую огромную территорию на карте мира, ее попросту не заметили бы: «Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера» [4: 330]. Географическое положение всегда было важным фактором для понимания темы России — отсюда и возникла извечная для русского человека проблема «Восток — Запад».

П. Я. Чаадаев подводит итог: Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [4: 330].

М. К. Лемке предполагает, что «Первое философическое письмо» П. Я. Чаадаева — «это есть результат его историко-философских размышлений в период, когда он, по собственному признанию,

переживал самые тяжелые годы своей жизни, "в продолжение долгого уединения, наложенного на себя по возвращении из-за границы"» [2: 407].

Также исследователь приводит интересную для нас цитату: «По мнению г. Милюкова, это письмо есть "первая теоретическая попытка, поставившая вопрос о национальной и всемирно-исторической роли России на ту почву, на которой этот вопрос решался затем теоретиками славянофильства. При всей своей смелости, попытка Чаадаева вовсе не так оригинальна, как кажется с первого взгляда, но и по продуманности мысли, и по блеску изложения, она далеко оставляет за собой все те, о которых можно говорить, разбирая основные течения нашей исторической мысли"» [2: 407]. Можно сказать, что П. Я. Чаадаев одним из первых попытался поставить вопрос о пробуждении национального самосознания, заявив об этом публично. Эта проблема волновала и А. Н. Радищева в повести «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.).

По словам А. И. Герцена, «Письмо Чаадаева прогремело подобно выстрелу из пистолета глубокой ночью»; «после «Горе от ума» не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление» [1: 189]. Напомним, что «Горе от ума» А. С. Грибоедова было опубликовано в 1825 г. М.К. Лемке комментирует: «Герцен говорит даже, что боялся, не сошел ли он с ума, когда видел «письмо» напечатанным по-русски!» [2: 408]. Современники сразу же вступили в спор с автором, среди них, конечно же, и редактор журнала.

После впечатления, произведенного публикацией, Н. И. Надеждин пишет своему коллеге по журналу В. Г. Белинскому: «Я нахожусь в большом страхе. Письмо Чаадаева, помещенное в 15 книжке, возбудило ужасный гвалт в Москве благодаря подлецам-наблюдателям. Эти добрые люди с первого раза затрубили о нем, как о неслыханном преступлении, и все гостиные им завторили» [5: 278]. Можно понять, что сам редактор не считает «Философическое письмо» чем-то из ряда вон выходящим.

Опасения сбылись, журнал «Телескоп» был закрыт по распоряжению Николая I, его главный редактор Н. И. Надеждин сослан. П. Я. Чаадаев был объявлен сумасшедшим и лишен права печататься: «Император велел объявить Чаадаева впадшим в умственное расстройство» [1: 271].

Интересен и следующий факт. Н. И. Надеждин написал «Два ответа Чаадаеву» (1836 г.), но, вероятно, из-за ареста предьявить их оппоненту не успел. Нам не известно, читал ли П.Я. Чаадаев эти ответы, но мы можем предположить, что оба автора могли полемизировать по поводу «Философического письма». В своем первом ответе журналист пишет, что «это письмо возмутило, оскорбило, привело в содрогание народную нашу гордость» [2: 593]. Не звучит ли в этой фразе свойственная Н. И. Надеждину ирония?

Прежде чем перейти к «ответам» Н. И. Надеждина, мы хотим отметить некоторые схожие мысли этих двух людей. П. Я. Чаадаев задавался вопросом: «<...> где наши мудрецы, где наши мыслители?» [4: 329]. Напомним, что «Первое философическое письмо» было написано в 1829 г. Н. И. Надеждин в статье «Литературные опасения за будущий год» (1828 г.) восклицает: «У нас так редки еще мыслители — и те мыслят так лениво, так застенчиво!» [3: 378]. Не исключено, что это могла быть рефлексия на слова друг друга. В любом случае, обоим волнует, есть ли в России мыслящие люди.

Итак, в первом «ответе» Н. И. Надеждин возмущается: «Русскому ли осмелиться сказать, что народ русский до сих пор ничем не был, ничего не сделал?» [2: 595]. Он опровергает каждый тезис П. Я. Чаадаева: «Мы, русские, никогда не жили, ничего не сделали, ничем не наполнили истории? Этот дивный великий народ, который даровал свое имя седьмой части земного шара, который за тысячу лет озарился божественным светом христианской эры, <...>, и разлил ее благодатные лучи на безмерном, ужасающем мысль пространстве, от подошвы Карпата до хребтов Алтая; народ, который в одно столетие успел присвоить себе все, что есть лучшего в европейской образованности, созданной рядами столетий, <...> этот-то народ поставить на самой крайней степени ничтожества?» [2: 593]. Эти слова противоречат предисловию, написанному им к «Философическому письму» П.Я. Чаадаева.

Само собой, как редактор Н. И. Надеждин обязан «рекламировать» статьи в своем журнале. Но почему лично П. Я. Чаадаеву он пишет совершенно противоположные вещи? Он намеренно привлекает внимание к статье, словно желая спровоцировать дискурс, необходимый для журнала (но только ли для журнала, или для русского человека в целом?), и затем сам вступает в спор с автором. Не значит ли это, что в его сознании живет потребность в этом споре, и он чувствует, что и в сознании современников зарождается потребность в этом дискурсе?

Уже было сказано, что П. Я. Чаадаев ставит вопрос о национальном самосознании — и современники желают разрешить этот вопрос. Н. И. Надеждин, конечно же, одним из первых начинает полемизировать

ку, пускаясь в свои собственные мрачные размышления: «Но, братья русские, будем беспристрастны к себе, будем правдивы и искренны! мы велики, <...>. Но мы ли создали себе это величие? <...>; благородно гордиться своим величием; но еще благороднее признавать истинный источник, истинное начало этого величия, <...>, исповедуя, что мы сами ничто, что мы только чрез ту могучую власть, которая, самодержавно правя нашими судьбами, вела и ведет нас по всем путям совершенствования без нашего ведома, часто даже против нашей воли <...>» [2: 595].

П. Я. Чаадаев сказал, что у нас нет истории. Н. И. Надеждин убежден, что наша история — это не история русского народа, а только история русской государственности: «Мы имеем блистательные страницы истории. Но разве это история наша? Разве это история русского народа? Нет! это история государства Русского, это история царей русских!» [2: 595].

Н. И. Надеждин полагает, что по вине государства «русского народа не стало: он исчез со страниц истории на целые пятьсот лет. Русских не было во время нашего так называемого удельного периода, окончившегося, с одной стороны, татарским, с другой — литовским порабощением»; «горько вспомнить, что в это несчастное время имя Руси, святое, великое имя, сделалось названием польского воеводства» [2: 596]. По его мнению, у России богатая, страшная история, наполненная войнами, внутренними и внешними конфликтами и противоречиями.

Вывод, который вдруг делает Н. И. Надеждин, сбивает с толку: «И так вся наша история не есть история нас самих, нашей отдельной, народной жизни, а история наших царей, которыми мы жили. Пусть всякий русский положит руку себе на сердце и скажет: была ли, есть ли у нас другая история?» [2: 597]. И он соглашается с П. Я. Чаадаевым: «Значит, все, что мы имеем теперь, имеем не от себя, не чрез себя. Значит, мы сами по себе точно ничто!» [2: 598].

Вопрос об истории России в XIX в. стоял особенно остро: в 1816 г. вышел первый том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, и данное сочинение вызывало горячие споры среди интеллигенции. Возникло мнение, что «История» Н. М. Карамзина — это именно история государства, существующего отдельно от своего народа. Журналист Н. А. Полевой решил, что должен написать то, что не удалось Н. М. Карамзину — «Историю русского народа». Это лишь подчеркивает злободневность слов П. Я. Чаадаева о том, что Россия — «своеобразная цивилизация» [4: 323].

Возвращаясь к спору о «Философическом письме», мы можем сделать вывод, что Н. И. Надеждин соглашается с П. Я. Чаадаевым в том, что русские — «народ исключительный», но он не видит в этом ущербности: «<...> мы, действительно, народ исключительный, не принадлежащий к современному европейскому семейству, не принимающий участие в его ходе и движениях! Но неужели это для нас унижительно? Неужели этим должна оскорбляться наша истинная русская гордость?»; «Боже мой! Как жалко унизились бы мы в собственных глазах, если б стали сокрушаться о том, что мы созданы быть народом самобытным и самообразным, а не слепком, не копией других народов!» [2: 598]. Это уже ответ не только П. Я. Чаадаеву, но и той группе интеллигентов, которую впоследствии назовут «западниками». Это интересно, т. к. самого Н. И. Надеждина, как и В. Г. Белинского, принято относить именно к «западникам», однако в «ответе» (и многих других своих статьях) он высказывает вещи, противоположные идеологии западничества.

Именно с полемики о «Философическом письме» начнется идейная борьба «славянофилов» и «западников», красной нитью связывающая XIX и XX вв. На этой почве создадутся значимые для эпохи философские сочинения: Ф. И. Пютчева «Россия и Запад» (1849 г., не оконч.), Н. Н. Страхова «Борьба с Западом» (1883 г.), В. С. Соловьева «Национальный вопрос в России» (1888 г.) и многие другие.

В своем втором ответе «В чем состоит народная гордость?» Н. И. Надеждин пишет к П. Я. Чаадаеву, что в отсутствии истории видит преимущество: «Я даже держусь такого мнения, что это отсутствие истории есть одно из важнейших преимуществ, которым мы можем гордиться пред прочими европейскими народами. Посмотрите на настоящее состояние Европы: какие там бури, потрясения, ужасы! <...> Все, что есть теперь в нас, так ново, что еще не пустило глубоких корней» [2: 606]. Здесь Н. И. Надеждин снова противоречит самому себе, т. к. в предыдущем «ответе» он доказал, что у России есть история. А теперь он как будто снова соглашается с П. Я. Чаадаевым, пусть и с оговорками.

Так или иначе, Н. И. Надеждин предрекает России великое будущее и независимость от Европы: «нечего равнять себя с ними ни в хорошую, ни в дурную сторону»; «у них есть прошедшее, которого у нас нет; но зато у нас есть будущее, в котором они отчаиваются. Это будущее заключается в нашей безусловной доверенности и преданности державной воле, которая правит нами, <...>, и которая создает для нас самую блистательную историю, <...>, которой мы будем иметь полное право гордиться <...>, что мы родились Русскими!» [2: 607]. Снова мы видим, как автор противоречит самому себе:

в первом «ответе» Н. И. Надеждин заявил, что государство уничтожило народ, а во втором уверяет, что благодаря государству народ выживет, и Россия расцветет. Не случайно Н. И. Надеждину потребовалось написать именно два «ответа»: возможно, он ни столько спорил с П. Я. Чаадаевым, сколько разбирался в своих собственных мыслях о России. И видно, с каким трудом удается ему сделать вывод, иначе бы не было в его статьях столько противоречий.

Так кто же «десница», а кто — «шуйца» русского общества? Действительно ли П. Я. Чаадаев и Н. И. Надеждин так противоположны друг другу, что мы можем назвать их правой и левой рукой? Цитата, вынесенная нами в заголовок, должна была отразить, насколько противоречивыми были настроения в обществе XIX в. Но наше исследование показывает, что это лишь внешние противоречия. Мы не можем назвать П. Я. Чаадаева неправым: как выяснилось, на самом деле его слова нашли сочувствие у многих современников. Он осмелился сказать страшную правду о России, а Н. И. Надеждин — осмелился опубликовать ее. Мы назовем это парадоксом эпохи: споря друг с другом, они на самом деле говорят об одной и той же проблеме — о судьбе России и, как ни парадоксально, видят один и тот же выход — дать России возможность развиваться по своему собственному пути.

Литература

1. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Избранные труды. М., 2010. 776 с.
2. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 614 с.
3. Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 47-66.
4. Чаадаев П. Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избр. письма. Т. 1. М., 1991. 800 с.
5. Чаадаев П. Я. Философское и публицистическое наследие (сборник) / сост. Б. Н. Тарасов. М.: Русский мир, 2008. 736 с.

Я. Л. Чернявская, г. Тюмень

ВОПРОС О ЗАПИСИ СТАРООБРЯДЦЕВ И ПРАВОСЛАВНЫХ ИСЕТСКОЙ ВОЛОСТИ В ПЕРЕПИСИ 1897 г.

Первая всероссийская перепись населения 1897 г. отличается от предыдущих ревизий тем, что составлялась не по метрическим книгам, не на основе старых ревизий (как можно видеть при изучении ревизских сказок 1850 и 1834 гг.), а непосредственно на месте методом опроса жителей населенного пункта. Для этого счетчикам (так назывались люди, собиравшие сведения) выдавались переписные листы. На каждом таком листе, сложенном вдвое, надлежало записывать жителей одного дома. На первой стороне листа приводились сведения о материале, из которого изготовлено жилище и крыша, указывались фамилия, имя и отчество хозяина и ставилась подпись счетчика. На развороте перечислялись находившиеся в доме люди, включая пребывающих в гостях, «призреваемых» и прислугу. Указывались не только имена, но и возраст переписываемого человека, степень родства с другими членами семьи, место рождения и место жительства. Отмечалось также умение читать, и где человек обучился грамоте. Наиболее важным для нас является то, что в этом документе указывается вероисповедание. Таким образом, анализируя данные Первой всероссийской переписи по соответствующим населенным пунктам ([3-14]), можно получить списки старообрядческого населения Исетской волости.

Однако здесь мы столкнулись с некоторыми трудностями. Учитывая замкнутость и особую ментальность старообрядцев, четко различающих «свое» и «чужое», можно предположить, что все население деревень одного из старообрядческих центров Зауралья было старообрядческим. Но данные переписи 1897 г. свидетельствуют, что православные и старообрядцы жили вместе в каждой деревне